ЯЗЫК И ВРЕМЯ ЯЗЫК И ВРЕМЯ ЯЗЫК И ВРЕМ

В. Г. Костомаров

ЯЗЫКОВОЙ ВКУС ЭПОХИ

ЗДОТ

Виталий Костомаров

Языковой вкус эпохи

«Златоуст»
1999

ББК 46.2.1

Костомаров В. Г.

Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров — «Златоуст», 1999

В книге на основании огромного фактического материала анализируются процессы, происходящие в языке современных средств массовой информации. отмечается все возрастающая роль СМИ в формировании языковой нормы и вводится понятие вкуса как фактора, влияющего на норму, объясняющего направление языковой эволюции. Книга предназначена для широкого круга читателей, которых волнует судьба родного слова.

ББК 46.2.1

© Костомаров В. Г., 1999
© Златоуст, 1999

Содержание

От автора 6
Введение: постановка проблемы 8
Конец ознакомительного фрагмента. 22

В. Г. Костомаров
Языковой вкус эпохи

© Костомаров В. Г. (текст), 1999
© ООО Центр «Златоуст», 1999

* * *

От автора

Автор сердечно благодарит О. Вельдину, М. Горбаневского, И. Рыжову, С. Ермоленко и Л. Пустовит, И. Эрдеи, Ф. ван Дорен, М. Петера, Р. Н. Попова и Н. Н. Шанского, Н. Д. Бурвикову, опубликовавших рецензии на первое и второе издания книги, Н. А. Любимову, С. Г. Ильенко, В. М. Мокиенко и других коллег, организовавших в Санкт-Петербурге ее публичное обсуждение, а также Ю. А. Бельчикова, Н. И. Формановскую, О. Д. Митрофанову, О. А. Лаптеву, О. Б. Сиротинину, Н. П. Колесникова, Л. К. Граудину, Т. Л. Козловскую и многих других, передавших свои мнения и замечания лично автору. Сердечная благодарность А. М. Демину, В. А. Секлетову, Т. Г. Волковой и всем друзьям в Институте русского языка имени А. С. Пушкина.

Сделанные замечания и пожелания, по возможности, учтены, обновлен фактический материал, однако в целом это именно переиздание, а не новый труд. В нем не учтены появившиеся после 1994 года фундаментальные исследования темы – такие, как «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» под редакцией Е. А. Земской (М., 1996) или «Русский язык» под редакцией Е. Н. Ширяева (Opole, 1997). Оправданием может служить то, что важнейшие для автора идеи (понятие вкуса как социально-психологический фактор эволюции языка, соотношение разговорности и книжности в ней, роль масс-медиа и др.) остаются актуальными и все еще не разработанными.

В книге использованы следующие сокращения:

АиФ – Аргументы и факты
БВ – Биржевые ведомости
ВМ – Вечерняя Москва
ВЯ – Вопросы языкознания
ВКР – Вопросы культуры речи
Изв. – Известия
КП – Комсомольская правда
ЛГ – Литературная газета
МН – Московские новости
МК – Московский комсомолец
МП – Московская правда
НГ – Независимая газета
ОГ – Общая газета
Пр. – Правда
РВ – Российские вести
РГ – Российская газета
РР – Русская речь
РЯ – Русский язык в национальной школе (Русский язык в СССР, Русский язык в СНГ)
РЯЗР – Русский язык за рубежом
РЯШ – Русский язык в школе
СК – Советская культура
ФИ – Финансовые известия
ЧС – Частная собственность

Примечание. Если иное не оговорено в тексте, принят следующий порядок указания источника. При названии или его сокращении после запятой дается год и номер (без знака №), а также, когда нужно, страница (после с.). Во многих случаях приводится дата ежедневной

газеты, причем первая цифра означает число, вторая – месяц, третья – две последние цифры года.

Введение: постановка проблемы

0.1. Наиболее общей характеристикой живых процессов, наблюдаемых в русском литературном языке наших дней, нельзя не признать демократизацию – в том ее понимании, которое обосновано в монографии В. К. Журавлева «Взаимодействие внешних и внутренних факторов развития языка» (М., Наука, 1982; его же. Актуальные задачи современной лингводидактики. В сб.: «Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. Актуальные проблемы обучения общению». М., 1989). Наиболее ярко демократизируются такие сферы литературного общения, как массовая коммуникация, включая сюда письменный язык периодики.

Впрочем, точнее для характеристики этих весьма бурно развертывающихся процессов подходит термин либерализация, ибо они затрагивают не только *народные* пласты общенационального русского языка, но и *образованные*, оказавшиеся чуждыми литературному канону последних десятилетий. В целом литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной; литературный стандарт становится менее стандартным.

В известной мере повторяется ситуация 20-х годов, когда послереволюционный розовый оптимизм порождал желание глубоко преобразовать не только общественный строй и экономическое устройство, но и культуру, но и литературный языковой канон. Разумеется, современники весьма различно оценивали происходящее (см.: Л. И. Скворцов. О языке первых лет Октября. РР, 1987, 5; ср. С. О. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923; А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928). Такая социальная ситуация хорошо согласуется с идеями А. А. Шахматова о расширении границ литературного языка, и именно так мыслили и действовали представители, как выражался С. И. Ожегов, *новой советской интеллигенции*. Методисты, в частности, утверждали, что традиционный предмет *родной язык* в русской школе есть по сути дела изучение языка иностранного, что требуется «расширять изучение стандартного языка… изучать диалекты, которыми наш стандартный язык окружен, от которых он питается» (М. Солонино. Об изучении языка революционной эпохи. «Русский язык в советской школе», 1929, 4, с. 47).

«Старая интеллигенция», по большей части в эмиграции, стояла за неприкосновенность литературного языка, возмущаясь наводнением его диалектизмами, жаргонизмами, иностранщиной, даже изменением правил правописания, особенно изгнанием буквы ять. Этот диаметрально противоположный подход победил и внутри страны, наметившись в 30-е и безусловно восторжествовав в 40-е годы. Связанная с авторитетом М. Горького дискуссия 1934 года наметила путь к массовому окультуриванию речи, требуя *писать по-русски, а не по-вятски, не побалахонски*. Сознательная *пролетарская языковая политика* проходила под лозунгом преодоления разноязычия, прежде всего крестьянского – *единый национальный язык всем трудящимся*. Языковая вариативность сковывалась и в самом литературном языке.

В силу этих, по необходимости схематично и упрощенно изложенных событий истории, а также и ряда последующих, к 50-м годам мы пришли с весьма закостеневшей и строго насаждавшейся литературной нормой, вполне отвечавшей социально-политической ситуации тоталитарного государства. К концу первого послевоенного десятилетия против нее стали бороться – как своей практикой, так и теоретически – свободомыслящие писатели, и в первых их рядах был К. И. Чуковский. Возврат к живым ориентациям был, однако, болезненным. Россия в целом оказалась более склонна к консервативному, чем к новаторству.

Повторится ли история? Сейчас наше общество, вне всякого сомнения, встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм. Более того, нормальные темпы языковой динамики резко повышены, что создает нежелательный разрыв в преемственности традиций, в целостности культуры. Даже будучи быстро приостановлены, такие

процессы 20-х годов – с их созидательной установкой на либерализацию языка – оставили значительные следы в нашем образованном общении. И уже сейчас все громче раздаются голоса, выражающие опасения о состоянии русского литературного языка, к которому ведет следование по пути расширения литературно-языковых границ.

Даже те, кто приветствует торжествующий либерализм, кому он представляется вполне оправданным на фоне ухода общества от косного авторитарного единомыслия к свободе, к воле, к разнообразию, протестуют против безоглядности этого процесса, против крайностей в желательном течении событий. Соглашаясь с призывом А. С. Пушкина дать русскому языку «поболе воли, чтобы развивался он сообразно законам своим», они не хотят спокойно мириться с небрежностью, раскованностью в употреблении языка, с вседозволенностью в выборе средств выражения. Но в этих явлениях не видят неизбежных следствий оправдываемой установки, но лишь индивидуальные, пусть и частые до массовости проявления низкого культурного уровня населения, элементарного незнания норм литературного языка и законов стиля.

Несомненно, и это имеет место, усугубляя результаты сознательных действий вполне грамотных и культурных людей, прекрасно знающих нормы и законы стиля. Об этом говорят такие экспериментальные данные: московские школьники в 80 % речевых ситуаций, требующих использования формул речевого этикета, обходятся без них; около 50 % мальчиков обращаются друг к другу по прозвищам, из которых больше половины обидные; штампы, не передающие искренность чувства, при поздравлении родителей, учителей, друзей использует около 60 % учащихся. Автор этих подсчетов считает, что все более необходимо специально обучать детей в школе принятым правилам общения (Н. А. Халезова. О возможностях работы над речевым этикетом при изучении грамматического материала. РЯШ, 1992, 1, с. 23).

Многозначительно, что сейчас происходит очевидное падение уровня художественного вкуса, например, согласно социологическому исследованию, из городских школ выходит сейчас лишь 15 процентов ребят с развитым художественным вкусом, тогда как в начале 80-х годов их было около 50 процентов; в сельских школах соответственно 6 и 43 %. Предпочтение населения сосредотачиваются преимущественно на зарубежных пластах искусства, причем особо популярны камерные сюжеты, посвященные любви, семье, сексу, авантюре, а также легковесная музыка, сомнительного качества кинодетективы. (Ю. У. Фохт-Бабушкин. Художественная культура: проблемы изучения и управления. М.: Наука, 1986; его же. Художественная жизнь России. Доклад в РАО, 1995.)

Яркий огонь критики вызывают на себя средства массовой информации, в первую очередь телевидение. И дело тут не только в нарушениях литературно-языковой нормы, но именно в неуважении к слову, в попытках изменить «языковой знак» и через него национальную традиционную ментальность. Русская пословица «Что написано пером, то не вырубить топором» вроде бы теряет свою силу. Именно это заставляет многих подписаться под таким наблюдением первого вице-премьера Правительства Москвы В. Ресина: «В прессе свирепствует какая-то жуткая эпидемия недостоверности, искажения цифр, фактов, слов, ситуаций» (Нов., 24.1.98). В унисон звучат слова академика А. И. Воробьева по поводу некоторых медицинских интервью: «Речь идет о нашем общем грехопадении. Мы слишком много болтаем и слишком мало думаем о том, как отзовутся наши случайно брошенные фразы на судьбах других людей» (МК, 24.1.98).

На этом фоне понятно, почему разрушается традиционная фразеология (*Не выразил возмущения ни один из власть предержащих* – «Советская Россия», 29.11.97 – контаминация выражений *держать власть* и *власть предержащие. Кратчайший путь в Рим* – реклама сотового телефона в январе 1998 г., опровергающая известные выражения *все дороги ведут в Рим, язык до Киева доведет* и др.), нарушается привычная словосочетаемость (*скрипя сердцем* – ТВ РТР 9.11.97, в прогнозе погоды «Маяка» 29.12.97: *наиболее холодно, наиболее тепло* там-то

вместо *теплее всего*). Отбрасываются принятые стилистические приличия (в речи ведущего радиостанции «Серебряный дождь» А. Гордона утром 4.8.97: *дико извиняюсь, новый прикол, ну колись, выйдет компакт-диск, а для малоимущих рокеров кассета. Подиум авангардной модной тусовки открыт и для «прет-о-порте»* – АиФ, 1996, 34), допускаются прямые ошибки (*Можно пофорчать, что даже в первую сотню не вошли* – «Можайское шоссе», 1997, 7, хотя в русском словаре существует лишь глагол *фурчать. надеюсь, что возражений не последует* – радио Москвы, 16.5.97. *Сколько сейчас время* – ОРТ, 20.6.97. *Отказался передать полномочия своему приёмнику* – ОРТ, 15.8.97 в речи диктора З. Андреевой, путающей устройство для приема с продолжателем дела), высказывается безразличие к произношению (*Ляжь в больницу* – ОРТ, 24.6.97; *вместе и поро́знь* – ОРТ, 14.2.98. *Налево от лифта́* – ОРТ в июне 1997 г. в ежедневной рекламе фильма с Ришаром – лишь при его показе 26.6.97 диктор поставил ударение правильно).

Внимательный читатель современных газет, слушатель радио и телезритель легко может сделать перечень подобных примеров поистине бесконечным. И дело, собственно, не в них как таковых, а именно в их массовости, в некотором вкусовом безразличии пишущих и говорящих, их часто сознательной нормативно-языковой недисциплинированности. Вряд ли ведь написала бы, если бы перечитала написанное и задумалась, журналистка такой пассаж: *Ночной клуб «Софи». Классный свет, глубокий звук, данс-пол окружен колоннами. Эротическое шоу «Topless models» с консумацией* (Центр-plus, 1997, 48).

Поэтому списывать все происходящее только на небрежность и малограмотность было бы наивно, особенно принимая во внимание весьма неплохой уровень образованности населения, достигнутый в бывшем СССР. Люди сегодня, несомненно, в целом грамотнее, чем раньше, однако норма тогда была однозначнее и соблюдалась строже. К тому же инициаторами более свободного обращения с языком выступают сейчас как раз достаточно грамотные люди – журналисты и иные профессионалы пера. Показательно уже то, что они «раскрепощением языка» называют то, в чем интеллигенция старшего поколения видит «варваризацию» или «вандализацию».

Чрезвычайно показательны взаимообвинения в «незнании русского языка», которыми обмениваются журналисты из «Курантов», «Московской правды» и «Московского комсомольца», т. е. тех изданий, которые сейчас свободно используют даже матерщину (см. хотя бы статью Я. Могутина – «Новый взгляд», 1993, 38). Правда, высказывается мнение и о том, что перед нами «разрушительный натиск образованщины» (Ю. Д. Апресян. Цит. по: Ю. Н. Караулов. О состоянии русского языка современности. М., 1991, с. 38). Анализ фактического материала убеждает в том, что перед нами, несомненно, сознательно формируемая тенденция, отражающая ход всего общественного развития.

Подчеркнутое, можно сказать карнавальное (см.: Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. Карнавализация как характеристика современного состояния русского языка. В кн.: Функциональная семантика языка… М., 1997) пренебрежение нормой нетрудно увидеть, например, в распространении забавной моды употреблять варианты колеблющихся форм, как бы подчеркивая свое нежелание разбираться как правильно, а как ошибочно. Так, в передаче про олигархов, которые правят страной, звучало: *Счастье не в де́ньгах или, как говорят артисты, деньга́х… Так вот, дело в деньга́х или, если хотите, в де́ньгах* (Радио Москвы, 13.12.98). М. Леонидов, ведущий программы «Эти забавные животные», на слова участника *не люблю тво́рог… или, как надо – твороґ?* заметил: *Это все равно. У нас передача не по русскому языку*; в конце и сам сказал: *Ну вот, Саша, мы до вас добра́лись. Или добрали́сь – это не имеет значения* (ОРТ, 15.10.98). Соответственно и ученые нормализаторы все охотнее ставят пометку «допустимо» (*твороґ*, доп. *тво́рог, су́деб* и устар. *судеб, мышле́ние* и *мы́шление*…).

Если вспомнить, что игра с формами *де́вица – девица, широко́ – широ́ко* – признанный прием народной поэзии, если учесть, что вариативность в русском литературном языке послед-

него полустолетия была явно занижена, то нельзя не признать, что перед нами вполне законный индикатор времени шатких норм, сосуществования вариантов или их исторической смены.

Можно привести иные примеры, так сказать, спокойного отношения людей к своей неуверенности в языке, которой перестали стесняться. Диктор «Маяка» в полдень 31 декабря 1996 г. отнюдь не поклялся узнать как склоняются числительные, но без всякого смущения, даже с гордостью заявил: *Вот видите – с этими, ну числимыми словами, у меня плохо*. Такова сегодня мода. Все очевиднее обостряется вопрос об оценке того, с чем надо бороться и с чем нельзя не примириться.

В основе развернувшихся процессов лежат изменения в психологической установке масс, пользующихся русским языком, в их языковом вкусе и чутье языка. Эти социально и исторически осмысленные явления порой получают некое официальное одобрение (хотя бы примером речи политических авторитетов и речевой практикой масс-медиа), а порой и законодательное закрепление. Но самое главное – в общественной эстетике, в стремлении к тому, **что** понимается как красивое. «Красиво то, – по многозначительному замечанию Майи Плисецкой, – что модно» (Изв., 28.3.95).

Рассмотрим два показательных примера, которые помогут объективировать понятие вкуса (и моды) как категории, воздействующей на развитие языка, даже определяющей направление его динамики.

0.2. Ближайшей иллюстрацией могут служить обращения, в частности манера именовать людей по имени и фамилии в официальной обстановке, особенно распространившаяся на радио и телевидении. Не без воспоминания о набивших оскомину от бессмысленно-бесконечных полных титулований *Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Брежнев Леонид Ильич* складывается новая норма именования общественных и политических деятелей, точнее – на них переносится традиция называния артистов и писателей по имени и фамилии, которая, кстати сказать, соответствует и западноевропейской традиции: *Борис Ельцин, Егор Гайдар, Михаил Горбачев, Павел Грачев, Виктор Черномырдин*.

Это, разумеется, сразу же было замечено и осуждено ревнителями традиции и порядка: *Стало модным писать о тех или иных наших руководителях и других лицах без упоминания слова «товарищ» (или хотя бы «тов.» или просто «т.»). Стали указывать только их имена, без отчества (М. Горбачев, Н. Рыжков) или вообще писать Михаил Горбачев, Николай Рыжков, Анатолий Собчак… Мы что, уже стали стыдиться обращения «товарищ»? Нам стал не дорог наш обычай называть человека по имени-отчеству или полными инициалами? Ведь в России по имени называли лишь царей и служителей церкви. Нынешним же журналистам нужно обязательно обезьянничать и перенимать от иностранцев то, что является традицией и привычно для них, но что не только режет слух нам, но и не делает нам чести* (Миша, Толя, Коля и другие официальные лица. Изв., 2.1.91).

Высокие эмоции, десятилетиями культивировавшиеся в слове товарищ (их при нужде приходилось даже снимать: *Я начал письмо обращением «Уважаемый товарищ…» Так принято. Но Вы, конечно, понимаете, что это всего лишь форма вежливости…* Изв., 27.11.72), уже к середине эпохи перестройки обросли уничижительными окрасками. Видимо, поэтому внезапно и эпидемически распространились новые обращения – *мужчина, женщина*. Еще в начале 80-х годов публика охладела к этому гордому слову, которое *нам дороже всех красивых слов*. В истории этого слова повторилось, только с обратным знаком, то, что с ним произошло в 20-е годы, когда, по оценке эмиграции, «прекрасное слово товарищ стало бессодержательным обращением» (С. и А. Волконские. В защиту русского языка. Берлин, 1928, с. 20; подробнее см.: С. И. Виноградов. Слово в парламентской речи и культура общения. РР, 1993, № 2, с. 54).

Однако попытки избегать и заменять его еще долгое время вызывали осуждение. Вот типичное газетное напоминание о том, что «мы всегда и везде – товарищи»: *«Мужчина, пройдите вперед!», «Женщина, передайте билет!» – такие обращения сплошь и рядом слышишь на улице, в метро, в магазине. Или еще – молодой парень обращается к пожилой продавщице: «Девушка, дайте полкило сахара»… Есть же у нас в русском языке прекрасное слово товарищ. Так почему же мы не говорим: товарищ продавец, товарищ водитель, товарищ, передайте, пожалуйста, билет?* (Изв., 27.11.83)

Характерно такое замечание: *Слово «товарищ», всегда означавшее наивысшее духовное единение, стало, напротив, знаком холодного отчуждения. Когда говорят «товарищ такой-то», то это стало означать, что человеком недовольны. Возвышенное ленинское «гражданин» теперь – это когда человек попался. На смену прежним критериям как-то ползуче, вегетативно, от одного к другому, распространились иные* (ЛГ, 1988, 16).

Уже в конце 1991 года в обзоре писем приводилось мнение: *Почему в Москве некоторые обращаются к аудитории словом «господа» вместо товарищи? Кто разрешил известинцам в рекламе «Московской товарной биржи» написать слово «господа»? Это газета наша, а не буржуйская.* Комментарий газеты защищал свободу: «Вам нравится обращение “товарищ”? Обращайтесь!.. У одних аллергия к слову “господа”, а у других – к слову “товарищ”… Наше товарищество – понятие сугубо условное, как, впрочем, и слово “господа”. В Грузии, к примеру, слова “батоно” – господин и “калбатоно” – госпожа никогда из лексикона не исчезали, особенно к людям незнакомым. Это мера уважительности. И на банальный троллейбусный вопрос “Вы сейчас выходите?” там не отвечают “Да”, а, как правило, “Диах, батоно” – о да, господин! И если кто-то усматривает в этой икринке вежливости многовековый гнет, эксплуатацию, тиранию, то обращаться надо… к врачу» (Изв., 27.11.91).

Глубокий анализ семантико-функциональных причин неудовлетворенности общества словом *товарищ*, как, впрочем, и другими обращениями, вообще этикетными формулами советского периода дан в работах Н. И. Формановской (см. хотя бы ее книгу «Речевой этикет и культура общения». М., 1989). Нам сейчас важно подчеркнуть именно вкус нынешней публики, который тем влиятельнее, чем основательнее опирается на собственно лингвистические факторы. Отдельные отходы от общепринятого всегда, конечно, были и будут; так, например, в среде казачества не рекомендуется называть мужчин «мужиками», «товарищами» и «господами» – обидятся, а в ответ на заветное «станичник» расплывутся в гордой улыбке (АиФ, 1994, 18).

Слово *господин*, жившее только как обращение к иностранцам (и, конечно, как унизительное обращение к своим чужим; любопытно, что Кеннет Д. Каунда в одной речи употребил и *Господин Председатель Президиума Верховного Совета, и Товарищ Председатель…* – Изв., 23.11.74), стало быстро расширять сферу применения. На новые оценки воздействовала, несомненно, и практика разных республик, обретавших самостоятельность: *домнуле Снегур* (обязательное обращение к Президенту Молдовы и по-русски. Изв., 22.10.90), *пан Кравчук* (ср.: *Из Устава изъято слово «товарищ», военнослужащим предлагается обращаться друг к другу с добавлением перед званием слова «пан»: пан капитан, пан солдат… В полках украинского казачества это была традиционная форма общения.* – Изв., 23.5.92) и т. д. Разумеется, играла свою роль и общая переоценка дореволюционной жизни России. Отошли от обращений, соответствующих русскому *товарищ*, и в тех странах, где они были насаждены. Так, в Китае вышло из употребления tong zhi, в Чехии soudruh и т. д.

На этом фоне и учитывая общественную неудовлетворенность системой принятых обращений, о которой свидетельствует горячо дискутировавшийся давний призыв В. Солоухина восстановить слова *сударь, сударыня*, не могло быть и речи о «возвращении должного престижа славному слову “товарищ”, поскольку “все мы товарищи, если не по работе, то по труду”» (Изв., 10.3.85). Излюбленное пропагандой напоминание о том, что слова

господин, госпожа «несут идеологическую окраску» и что для рабочих они «звучат как насмешка» (Изв., 1.10.91), потеряло всякую доказательность и стало вызывать обратную реакцию. Одними из первых публично и откровенно выступили в печати за возвращение этих слов в активное употребление Марк Захаров и Арсений Гулыга: *Конечно, у нас нет «господ» в старом смысле слова – угнетателей, но и от единоутробных по классу «товарищей» (вроде Сталина) натерпелись мы бед пострашнее старорежимных* (ЛГ, 1989, 48).

В дискуссиях принял участие и Владимир Солоухин; удовлетворенный известным распространением слов *сударь* и *сударыня*, он заметил, что «нельзя говорить “ко мне вчера заходил сударь Петров” или “у сударыни Ивановой случилась пропажа”. В этих случаях надо употреблять слова “господин” и “госпожа”… То же самое и с множественным числом. Не совсем правильно говорить: “Ну, судари, как дела?” Или обращаться к собранию: “Судари и сударыни!” – нельзя. Раньше говорили либо “господа!”, либо “милостивые государи и милостивые государыни”, либо “дамы и господа”. А если не нравится и не поворачивается язык, продолжайте талдычить “товарищи!”» (Изв., 18.10.91)

Это разрешение отнюдь не всеми воспринимается с охотой, и другой влиятельный поэт – Виктор Буков – пишет:

Меня сегодня назвали – сударь?
И потянули за рукав.
И звякнула в шкафу посуда,
И сахар с полочки упал,
Меня назвали господином,
А я ответил: – Непохож!
И все слова в кругу едином
Смутились, слыша эту ложь.
А я – по-прежнему – товарищ!
Как в те далекие года.
Вы понапрасну так старались
Меня зачислить в господа!

(Пр., 19.1.94).

Разнообразие отношений к этим словам порождает иронию: *Ребята (нельзя говорить в переходный период – товарищи или господа, это может быть оценено плохо той и другой стороной), давайте создадим… деполитизированное государство* (АиФ, 1991, 42). И без особого намека на шутку журналисты вопрошают: *Как живете, господа-товарищи?* (АиФ, 1993, 19). *Неужели таким путем мы идем к правовому государству, дорогие господа-товарищи?* (Изв., 19.5.93). *Нет, господин или товарищ обыватель, твои надежды на выживание призрачны* (Пр., 16.7.93). Центральное радио высказалось определеннее: *Хорошо, что мы перестали быть товарищами и стали просто людьми* (14.3.93, 11.30).

Любопытно, что «просторечно-подобострастное обращение господин-товарищ» появилось вскоре после 1917 года и некоторое время находилось в широком обращении (Карцевский С. О. Язык, война и революция. Берлин, 1923, с. 18). Сегодня в этом возродившемся выражении стала ощущаться и некоторая дифференциация: *господа* принимается как обращение, а за словом *товарищи* закрепляется некоторое социально-номинативное значение (простые люди? трудящиеся? может быть, «совки»?). Орфографически это подтверждается отказом от дефисного написания *господа-товарищи*. Это особенно ясно в контекстах противопоставления: *Вспомнят ли о господах товарищах господа министры?… Хорошо живем господа товарищи… Господа министры – люди разные и по своим воззрениям, и по уровню доходов. Господа товарищи (слово «товарищ» пишу без всякого унижения – к ним относится подавляющая*

масса населения) – тоже люди разные… Как живет, о чем думает господин товарищ?… Рядовых наших господ товарищей сейчас глубоко возмущает та разборка, которая происходит в высших эшелонах власти (РВ, 6.8.93). Одним словом, как заметил юморист, беда не в том, что мы стали господами, а в том, что перестали быть товарищами!

0.3. Другой яркой иллюстрацией происходящих в языке процессов, позволяющей судить о той моде, которая за них ответственна, может служить эпидемия географических переименований. Масштабы ее таковы, что не представляется возможным дать исчерпывающие списки. В отличие от большинства языковых явлений (даже и от рассмотренных сдвигов в системе обращений, складывающихся, строго говоря, стихийно) она является следствием прямого и сознательного воздействия на язык, получающего очевидную законодательную форму.

Например, решением Моссовета № 149 от 5 ноября 1990 г. возвращены с 1 января 1991 г. следующие исторические наименования площадей, улиц, переулков Москвы: *Тверской заставы площадь* (Белорусского вокзала пл.), *Маросейка улица* (Богдана Хмельницкого ул.), *Новопесчаная улица* (Вальтера Ульбрихта ул.), *Песчаная 2-я улица* (Георгиу-Дежа ул.), *Тверская-Ямская 1-я улица* (Горького ул. – от пл. Маяковского до Белорусского вокзала), *Никольская улица* (Двадцать пятого Октября ул.), *Лубянская площадь* (Дзержинского пл.), *Лубянка Большая улица* (Дзержинского ул.), *Коровий вал улица* (Добрынинская ул.), *Воздвиженка улица, Новый Арбат улица* (Калинина пр.), *Басманная Старая улица* (Карла Маркса ул.), *Мясницкая улица* (Кирова ул.), *Сухаревская площадь* (Колхозная Большая и Колхозная Малая пл.), *Пречистенка улица* (Кропоткинская ул.), *Ильинка улица* (Куйбышева ул.), *Моховая улица, Охотный ряд улица, Театральная площадь* (Маркса пр.), *Патриаршие пруды* (Пионерские пруды), *Патриарший Малый переулок* (Пионерский Малый пер.), *Манежная площадь* (Пятидесятилетия Октября пл.), *Варварка улица* (Разина ул.), *Театральная площадь* (Свердлова пл.), *Аминьевское шоссе* (Суслова ул.), *Осенний бульвар* (Устинова Маршала ул.), *Знаменка улица* (Фрунзе ул.), *Новинский бульвар* (Чайковского ул.), *Земляной вал улица* (Чкалова ул.).

Тем же решением переименованы станции Московского метрополитена: *Тверская* (Горьковская. Это уже вторично – по переименованию улицы), *Лубянка* (Дзержинская), *Александровский сад* (Калининская), *Чистые пруды* (Кировская), *Сухаревская* (Колхозная), *Царицыно* (Ленино), *Китай-город* (пл. Ногина), *Театральная* (пл. Свердлова), *Охотный ряд* (пр. Маркса), *Ново-Алексеевская* (Щербаковская).

Еще раньше в Москве были переименованы: *Остоженка улица* (Метростроевская ул.), станции метро *Чистые пруды* и *Красные ворота* (Кировская и Лермонтовская) и др. 1993 год объявлен годом возрождения исторического центра столицы и очищения топонимического облика ее центральной заповедной части; весной исконные названия были возвращены еще 74 улицам, набережным, переулкам. Бодрческий тон сообщений об этом дает материал для суждения о модных мотивах нынешних языковых изменений:

Окончательно исчезает «с лица» Москвы большевистское прошлое. Например, Советская площадь – теперь площадь Тверская… Переулку основоположника соцреализма М. Горького возвращено название Хитровский переулок. Теперь мы сможем лучше представить местонахождение печально известной Хитровки – района знаменитых трущоб… Улица Ульяновская была переименована в 1919 году при жизни вождя. Скромный человек, Владимир Ильич не возражал… Бывшая Николаевская, удостоившаяся вдруг такой чести, называлась так потому, что здесь с 1642 года стояла церковь св. Николая Чудотворца на Ямах (АиФ, 1993, 20).

Теми же мотивами проникнуто интервью председателя комиссии Моссовета по наименованиям: *За годы советской власти столица потеряла более тысячи исконных наименований, которые наши предки сохраняли в течение столетий. Доходило порой просто до абсурда: Чет-*

вертая улица 8-го марта, улица Газопровод, Нижняя трикотажная (почему – не Нижнего белья?). Неужели приятнее проходить по Пионерским прудам, вздрагивая от призрака Павлика Морозова, нежели чем по Патриаршим?… Некоторым знаменитостям придется потесниться. Александр Сергеевич Пушкин наверняка ни за что не согласился бы, чтобы раритет мирового класса, имеющая шестисотлетнюю историю улица Дмитровка носила непременно его имя. То же – относительно Чехова и Станиславского… (Изв., 5.6.93).

Лес рубят – щепки летят: в пылу азарта и в голову не приходит, что вряд ли так уж желательно для отечественной культуры восстанавливать память о ночлежках Хитрованки да еще и за счет забвения известного писателя. Старые новые названия появились на месте Лермонтовской площади, улицы Чайковского, улицы Чкалова, хотя поэт, композитор и даже пилот ничем вроде не провинились, а их вклад в отечественную культуру достоин увековечения в топонимике города.

Страсть к переименованию привела сразу и к совсем бессмысленным сменам (Савельевский переулок теперь Пожарский, Астаховский – Певческий, Неглинный – Звонарский и т. д.), о которых фельетонист Э. Графов писал: «Прежде всего по первому разряду похоронили Маркса и Энгельса. Теперь их улица будет мстительно называться Староваганьковский переулок… Уязвили и Большевистский переулок. Быть ему теперь Гусятниковым. А Комсомольский переулок с подковыркой обозвали Златоустинским. Что касается переулка имени знатного большевика Стопани, то он стал и вовсе Огородной слободой. Видимо, и Моссовету сарказм не чужд. Не спорю, видимо, Николоямская улица звучит куда как красивее, чем Ульяновская. Но уверяю вас, имелся в виду совсем не тот Ульянов, о котором вы подумали… Да и улицу Станкевича, в общем-то, вполне можно обозвать Вознесенским переулком. Да только это не тот Станкевич, который Станкевич, а совсем другой. Так что зря изволили волноваться. А зачем проезд Серова переименовывать в Лубянский проезд? Человек многотрудно возглавлял КГБ. Уж он-то вполне заслужил увековечить свое имя на Лубянке. Впрочем, это, кажется, не тот Серов, а который геройский летчик. Но все равно не стоило из большевистских веков извлекать слово “Лубянка”. Никто ведь не говорил – забрали на площадь Дзержинского. Говорили – забрали на Лубянку… Не надо ошалевать переименованиями» (Изв., 25.5.93).

Выражая естественное несогласие с переувлечением переименованиями группа писателей и театральных деятелей (О. Ефремов, М. Ульянов, Ю. Соломин, Е. Гоголева, Э. Быстрицкая, Ю. Борисова, Г. Бакланов, А. Приставкин, В. Коршунов, В. Лакшин, И. Смоктуновский) направили председателю Моссовета протест по поводу лишения Москвы таких названий улиц, как Пушкинская, Чехова, Станиславского, Ермоловой, Федотовой, Немировича-Данченко, Садовских, Остужева, Южина, Вахтангова, Москвина, Качалова, Хмелева, Грибоедова, Собинова, Веснина, Жолтовского, Щукина.

Они пишут о подписанном им постановлении: «Казалось бы, что этот документ призван сыграть благую роль и очистить культурный облик столицы от конъюнктурно-идеологических искажений многих десятилетий. Но уже при первом же чтении становится ясно, что мы имеем дело с бюрократическим циркуляром, реализация которого станет актом вандализма и приведет к непоправимым культурным потерям… Вместо разумной культурной политики мы имеем дело с очередной кампанией из числа тех, что так хорошо знакомы нам по недавнему прошлому… Льва узнают по когтю. Осла – по ушам. А вчерашних коммунистов – по маразматическому антикоммунизму. Вычеркнуть из нашего обихода Белинского, Герцена, Грановского могут только непросвещенные люди, воспитанные на ленинских статьях, где постоянно когонибудь будили. То, что большевики не могли уничтожить, они пытались присвоить. И в этом была своя логика. Здравый смысл подсказывает асимметричный ответ потому, что эти выдающиеся люди принадлежат всей российской культуре… А Моссовет изгоняет великих русских и не только русских (вместе с ними и поляка Мицкевича, и грузина Палиашвили) из центра

Москвы. Необходимо прекратить издевательство над культурой, ибо топонимика – ее неотъемлемая часть» (Сегодня, 1.6.93).

Процесс восстановления старых названий, изменения и уточнения затронул всю российскую топонимику, в частности названия многих городов: *Владикавказ* (Орджоникидзе), *Вятка* (Киров), *Екатеринбург* (Свердловск), *Набережные Челны* (Брежнев), *Нижний Новгород* (Горький), *Рыбинск* (Андропов), *Самара* (Куйбышев), *Санкт-Петербург* (Ленинград, Петроград), *Сергиев посад* (Загорск), *Тверь* (Калинин), *Шарыпово* (Черненко) и т. д. (см.: Моисеев А. И. Именные мемориальные названия русских городов. РЯЗР, 1992, 2). Процесс захватил и нерусские города – украинские: *Змиев* (Готвальд), *Луганск* (Ворошиловград), *Мариуполь* (Жданов); азербайджанские: *Бейлаган* (Ждановск), *Гянджа* (Кировабад); грузинские: *Багдади* (Маяковский), *Мартвили* (Гегечкори), *Озургети* (Махарадзе); эстонские: *Курессаари* (Кингисепп) и т. д.

Начавшись с наивной «эстонизации» русского написания *Таллинн* (ранее с одним *н* на конце), этот процесс пошел по линии вытравления не только нежелательных имен, но и вообще русифицированных форм национальных топонимов и заменой ими русских названий. Например, постановление Верховного Совета Республики Казахстан подвергло переименованию либо «упорядочению транскрибирования на русском языке» сразу десятки топонимов: города Чимкент и Джезказган стали *Шымкентом* и *Жезказганом*, села Сергеевка, Пугачево, Дирижабль, Маралиха стали *аулами Кайнар, Ушбулак, Кызылсу, Маралды* (Изв., 17.9.92), ср. также *Ашгабат* (Ашхабад), *Тыва* (правда, с непоследовательным решением сохранить *тувинский, тувинец* – РВ, 28.12.93), *Хальм Тангч* (Калмыкия), *Мари-эл, Саха* (Якутия).

Изменили традиционную в русском обиходе форму на более близкую к национально-языковой такие названия, как *Беларусь (беларуский, беларус), Кыргызстан (кыргыз, кыргызский), Молдова (молдованин, молдовский), Башкыртостан*. Впрочем, и в этой сфере основной задачей было, несомненно, устранение нежелательных имен: *Бишкек* (Фрунзе), *Луганск* (Ворошиловград), *Мариуполь* (Жданов) и т. д.

С радостным озорством корреспондент в заметке «Киевские улицы меняют названия» сообщает: *Столица Украины стремительно избавляется от атрибутов социалистической эпохи. Власти города утвердили новые названия киевских улиц, парков и станций метро… Больше всего перемен связано с удалением с карты города названий улиц, пропагандировавших имена вождей и деятелей революции. Ощутимые «потери» у Владимира Ильича: улица Ленина переименована в улицу Богдана Хмельницкого, бульвар Ленина – в Чоколовский бульвар. Досталось и славным чекистам. Улица под их названием отныне носит имя гетмана Украины Пилипа Орлика. Другие названия получили улицы Октябрьской революции, Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Менжинского, Пархоменко, Корнейчука…* (Изв., 17.2.93).

В сущности, ничего нового или необычного в этом процессе нет: вспомним хотя бы *Заир, Зимбабве, Киншаса* на месте Бельгийского Конго, Родезии, Леопольдвиля, совсем недавнее и менее понятное *Кот д'Ивуар* вместо Берега Слоновой Кости. Понятны обоснованные политическими и идеологическими соображениями смены названий в бывших государствах СЭВ. Обращают на себя внимание лишь темпы и масштабы процесса, столь, как и все в России, великие, что захватывается и то, что вроде бы не заслуживает переименования. В кампании переименований чувствуется что-то тоталитарное, необольшевистское; любопытным образом и другие республики бывшего СССР действуют так, будто они получили распоряжение из общего центра.

К тому, что уже сказано о топонимике Москвы, можно добавить следующие любопытные и даже забавные факты. Хотя на флоте переименование кораблей считается дурной приметой, сейчас фамилии Кирова, Фрунзе, Калинина и других советских деятелей, как и названия столиц бывших союзных республик Баку, Тбилиси и другие заменены в собственных именах тяжелых авианесущих, противолодочных и ракетных крейсеров на имена российских адмиралов

Ушакова, Нахимова, Сенявина, а также Петра Великого. Ряд атомных подводных лодок получил наименования хищников: *Барс, Леопард, Тигр,* другая часть подлодок – имена российских городов: *Архангельск, Воронеж, Курск*. Полностью переименованы корабли «Комсомольской эскадры» – сторожевик *Ленинградский комсомолец*, тральщик *Новгородский комсомолец* и т. д. (АиФ, 1993, 22).

Для общего настроения, для определяющего вкуса момента показательно, что в старом здании Московского университета на Моховой улице (бывший проспект Маркса!) главная аудитория вновь называется *Богословской* – «она всегда так называлась, пока не была переименована в Ленинскую» (Изв., 17.2. 93).

Процесс переименований вообще неравномерен, эмоционально-конъюнктурен, идет с перехватами и весьма быстрым движением вспять. Приведем два характерных сообщения: *В* ***Чечении****, как она сама себя теперь называет, все сложилось иначе* (Изв., 21.9.92). ***Не Сухуми, а Сухум****. Сессия Верховного Совета Абхазии… восстановила названия столицы Абхазии города* ***Сухум*** *и шахтерского города* ***Ткуарчал*** *(со второй половины тридцатых годов они именовались на грузинский лад – Сухуми и Ткуарчали). Поселок городского типа Гантиади получил исторический топоним* ***Цандрыпш****, села Леселидзе и Хенвани – соответственно* ***Аечрыпш и Амзара*** (Изв., 15.12.92).

Стремление приблизить фонетически и/или орфографически название к оригинальным написанию и звучанию естественно и извечно, развертываясь по мере роста грамотности, культуры и взаимоуважения народов. Нельзя было, например, не одобрить послереволюционные изменения принятых русских форм Тифлис, Вильно, Ковно и пр. на *Тбилиси, Вильнюс, Каунас* (ср. также *коми* вместо *зыряне* – буквально «оттесненные»; нынешнее принятие формы *кыргыз* в этом плане вполне оправдано, ибо *киргиз* имеет для киргизского уха неприятные созвучия).

Основательным следует признать пусть часто наивнолингвистическое восприятие той или иной формы затрагиваемым иноязычным населением. И нет ничего страшного в чуть ли не законодательном насаждении формы *украи́нский* из двух сосуществующих акцентологических вариантов, хотя и не хотелось бы выправлять классическое пушкинское «Тиха украи́нская ночь». Нетрудно согласиться и с непривычным для русских *в Украине* – пусть так, если кому-то чудится, что *на Украине* унизительно напоминает на краю, на окраине. Так в свое время китайцы просили различать *на Тайване* (на острове) и *в Тайване* (в не признаваемом КНР государстве).

Но нельзя не узреть тут и удивительной лингвистической наивности. В момент развала СССР были понятны политико-публицистические наскоки на форму с *на*. Она приписывалась злокозненному смешению слов *Україна* (от *украяти* «отрезать от целого») и *окраїна* – с ссылкой на перепечатанную, например, в альманахе «Хроника-2000» (вып. 2, Киев, 1992) работу С. Шелухина 1921 года «Назва України», где прямо обвиняются в этом поляки и русские (последних автор считает не столько славянами, сколько финско-монгольским племенем). Но вскоре появились и объективные, спокойно-разумные голоса лингвистов, а не политиков, призывающие не видеть в ней великорусской злокозненности и вспомнить, что ею не брезговали великие патриоты Украины, прежде всего Т. Шевченко.

Во всяком случае, киевские рецензенты первого издания данной книги, по-моему, необоснованно увидели в сохраняемой и сейчас оценке русского (так! о том, как лучше по-украински, я и не думал судить) словоупотребления некую мою бестактность. Русский и украинский языки близкородственные, но каждый со своими законами и традициями. Статья же В. Задорожного в журнале «Українська мова і література в школі» (1993, № 5–6), на которую они ссылаются, рассматривает украинские конструкции *на Україні – в Україні*. Кстати, мне больше импонирует статья Н. Сидяченко на ту же тему в сборнике Института украинского языка АН Украины «Культура слова» (1994, 45). И все же, и все же! Украинцы официально, хотя и не очень публично обратились к Госдепартаменту США с представлением употреблять

форму in Ukraine вместо принятой в английском языке in the Ukraine – с той же, в сущности, мотивацией (отсутствие артикля вроде бы усиливает представление о том, что перед нами собственное имя).

Принимая как данность пафос самоопределения, мы не должны уродовать свой язык; надо понимать, что «одно дело – суверенитет – факт их истории, а другое – название – факт нашего языка» (МН, 1994, 1). И в самом деле, добившись «эстонизации» русского названия своей столицы, эстонский парламент ведь сохранил нерусское ударение в своем названии столицы России – Moskva – не говоря уж о том, что не сменил названия Petseri, Pihkva, Irboska, Kaasan, Saraatov на Печера, Псков, Изборск, Казань, Саратов.

Беда даже не в том, что новые формы нарушают длительную языковую привычку, а в том, что они могут оказаться непривычными, труднопроизносимыми и даже неприятными для русского языкового слуха. После *к, г, х,* скажем, не пишется и не произносится ы, отчего не звучит и не «смотрится» орфограмма *Кыргызстан* и под. Довольно бессмысленно, ибо русский произнести так не может, писать по-русски две согласные на конце слова *Таллинн*, как-то малограмотно выглядит в русском тексте *Беларусь, беларус, беларуский*. Сходные процессы наблюдаются в собственных именах людей: имя бывшего президента Азербайджана пишется *Абульфаз Эльчибей* (традиционное русское написание *Абульфас*; теперь же возникают сложности не только с произношением звонкого звука на конце слова, но и меняется произношение формы родительного и других падежей).

На пути естественного стремления «выправить неточности» иноязычного названия стоит традиция, и чем она древнее и устойчивее, тем сильнее ее сопротивление. Вряд ли поэтому русские станут когда-либо говорить *Пари* или, путая город с античным героем, *Парис* вместо *Париж, Рома* или *Ром* вместо *Рим*. Вряд ли, впрочем, даже обиженные ролью СССР в истории немцы потребуют, чтобы мы называли их страну не Германией, а Дойчландом! Кажется, и в России перестали безоговорочно принимать зарубежные покушения на русские языковые традиции.

В марте 1994 года на радио и TV принято решение, поддержанное Институтом русского языка РАН, последовательно вернуться к прежним наименованиям: «Никакой язык не может диктовать русскому языку свои правила произношения и написания имен собственных, так как это унижает и искажает его» (Пр., 18.3.94). «Люди, даже далекие от проблем лингвистики, недоумевали, зная, что в любом языке заимствованное слово всегда подчиняется новым грамматическим и звуковым законам и практически никогда не сохраняется в первоначальном виде. Ведь у англичан Россия – Раша, у французов – Рюси, у немцев – Русланд, у молдаван – Русия, у ингушей – Росси. Носители русского языка в той же степени вправе традиционно произносить и писать Ашхабад, Алма-Ата, Чувашия. Этот вопрос не имеет никакого отношения к проблемам суверенизации и уважения национального достоинства» (МП, 15.3.94).

Нельзя, однако, не считаться и с торжествующей модой, с настроением людей. Нельзя не считаться и с сегодняшним вкусом на изменение, на отказ от привычного или, по крайней мере, на вариативность: даже такие новшества, противоречащие русской языковой системе, скорее будут восприняты, нежели отторгнуты. Во всяком случае, смешно было бы конфликтовать с эстонцами из-за буквы, уподобясь чехам и словакам, у которых расхождения по поводу дефиса в названии страны стали одной из причин развода. Следует принять во внимание и громадную русскую диаспору, которая вынуждена подчиняться законам страны проживания; этот означает, что в русском языке неизбежно появится масса вариативных топонимов. Порой приходится мириться и с самым наивным политическим и национальным мышлением: есть вещи выше неприкосновенной чистоты литературно-языкового канона.

0.4. Приведенные примеры позволяют высказать некоторые теоретические соображения относительно вкуса как категории речевой культуры (см.: В. Г. Костомаров. Вопросы культуры речи в подготовке преподавателей-русистов. В кн.: «Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения». М., Русский язык, 1979).

Вкус вообще – это способность к оценке, понимание правильного и красивого; это пристрастия и склонности, которые определяют культуру человека в мысли и труде, в поведении, в том числе речевом. Под вкусом можно понимать систему идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке. Эти установки определяют то или иное ценностное отношение человека к языку, способность интуитивно оценивать правильность, уместность, эстетичность речевого выражения.

Вкус – сложный сплав социальных требований и оценок, а также индивидуальности носителя языка, его художественных задатков, воспитания, образованности (отчего и фраза «О вкусах не спорят»). Однако и эта индивидуальность формируется в ходе усвоения общественных знаний, норм, правил, традиций. Поэтому вкус всегда имеет конкретно-социальную и конкретно-историческую основу; поэтому же, проявляясь индивидуально, вкус отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе его истории (недаром говорят о вкусах общества и эпохи).

Важнейшее условие вкуса – социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка так называемое чувство, или чутье языка, являющееся результатом речевого и общесоциального опыта, усвоения знаний языка и знаний о языке, бессознательной по большей части оценки его тенденций, путей прогресса. Выражаясь словами Л. В. Щербы, «чувство это у нормального члена общества социально обосновано, являясь функцией языковой системы» (Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. В кн.: «Языковая система и речевая деятельность», Л., 1974, с. 32). Самое же чутье языка есть своеобразная система бессознательных оценок, отображающая системность языка в речи и общественные языковые идеалы.

Чутье языка образует основу для глобальной оценки, принятия или неприятия определенных тенденций развития, определенных пластов лексики, для оценки уместности тех или иных стилистических и вообще функционально-стилевых разновидностей языка при сложившихся условиях и для данных целей. В этом смысле оно очень зависимо от системных и нормативных особенностей языка, от его «духа» и «своеволий», его происхождения, истории и идеалов прогресса, приемлемых и желательных источников обогащения, самобытности его строя и состава. Так, скажем, флективность, формальная выраженность связей в предложении делает русское языковое чутье гораздо более нетерпимым к нагромождению одинаковых форм, чем английское или французское, отчего, например, идущие подряд конструкции с of или de позволительнее, нежели русские родительные падежи (за пределами ограниченных специальных сфер; см. работы О. Д. Митрофановой о «научном языке»).

Русская речь оказывается в силу специфики русской грамматики гибкой и многообразной в плане интонации и порядка слов, что в свою очередь делает более многообразными возможности выразительного актуального членения высказываний. Для нее слабо характерна омонимия, отчего, между прочим, русские любят выискивать ее, спотыкаются об нее, хотя, разумеется, двусмыслица легко обычно гасится текстом.

На вкус воздействует самый состав русского языка, как и его строй. Так, каждый новый взгляд на историческое соотношение старославянской книжности и исконной восточно-славянской народно-речевой стихии существенно видоизменяет наши стилистические представления. Славянизмы, с одной стороны, органически входят в состав литературного языка, с другой – уже много десятилетий воспринимаются как тяжеловесные и напыщенные, нередко смешные архаизмы. С изменением целевых установок в употреблении языка и появлением

новых его функций, вызванных к жизни изменившимся отношением к православной церкви, к религии вообще, резко меняется и отношение к старо(церковно)славянизмам.

То и дело дают о себе знать фольклорная поэтика, диалектные противопоставления севера и юга, средневековое «плетение словес», восходящая к московским приказам деловая речь и городское койне – просторечие, наплывы то немецкой, то французской, а сегодня американской иностранщины – самые различные явления разных этапов истории русского языка.

Живы и во многом воспитывают сегодняшний вкус споры «шишковистов» и «карамзинистов», «славянофилов» и «западников», не говоря уже о синтетической деятельности основоположника современного литературного языка А. С. Пушкина и других классиков XIX века. В чутье языка отражена культурно-национальная память, растворены пласты разных наследий, разных поэтико-речевых концепций. Важную роль в формировании русского языкового чутья и вкуса играло и играет соотношение книжной и внекнижной речи, принимавшее часто характер соперничества литературного и «народного» языка.

В советский период высокие темпы развития и круто сменившиеся вкусы накопили значительный запас разнородных изменений и деформаций, подвергающихся сегодня, с началом постсоветской эпохи, проверке и переоценке. Соответственно сейчас следует ожидать (и фактический материал последующих глав это подтверждает) поиска «свежего» языкового материала, перераспределения стилистических пластов, нового синтеза средств выражения.

Таким образом, вкус – это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи. «Общие нормы языкового вкуса», совпадая или не совпадая с языком писателя, попадают, по словам Г. О. Винокура, «на мост, ведущий от языка, как чего-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего» (Г. О. Винокур. Об изучении языка литературных произведений. «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, с. 278).

Вкус нередко теряет историческую обоснованность и следует конъюнктурным, случайным устремлениям. Он становится тогда дурным вкусом. Он теряет тогда даже природно опосредованную связь с мыслительно-содержательным аспектом общения и с естественными эстетическими ограничительными рамками. Иными словами, вкус предстает крайностями моды. Речь в этом случае выходит из диапазона между «недостижимым идеалом» и «еще не ошибкой», теряет оценочно-вкусовые качества «хорошей речи» (см.: Б. Н. Головин. Основы теории речевой культуры. Горький, 1977; Н. А. Пленкин. Критерии хорошей речи. «Русский язык в школе», 1978, 6). Заметим, забегая вперед, что для нашего времени особенно актуально такое качество «хорошей речи», как свежесть, т. е. стремление к обновлению примелькавшихся средств и приемов выражения.

При всем естественном желании объективировать понятие вкуса как культурно-речевой категории нельзя, конечно, отказать ему и в субъективной индивидуальности. Не развивая сейчас этой мысли, приведем лишь любопытные размышления видного современного поэта и писателя: «Нельзя к цветку в виде дополнения подвесить шуруп. Нельзя к нитке жемчуга на женской шее присоединить в виде подвесок канцелярские скрепки. Нельзя к слову дворец присоединить слово бракосочетаний. Объяснить, почему этого нельзя делать, тоже нельзя. Дело сводится к языковому слуху, ко вкусу, к чувству языка, а в конечном счете к уровню культуры» (В. Солоухин. Осенние листья).

Качества «хорошей речи» относительны, иной раз даже внутренне противоречивы – и не только в силу своего общего субъективно-вкусового характера и тесной зависимости от конкретного смысла, выражаемого в отдельном случае, от условий и целей данного коммуникативного акта, но прежде всего из-за строгой детерминированности любой речи наличными в литературном языке нормами. Впрочем, в сегодняшней обстановке эти нормативные средства выражения и сложившиеся приемы их применения при типовых содержаниях, в сходных

по содержанию, целям и условиям высказываниях оказываются сплошь и рядом не соответствующими новому вкусу и решительно пересматриваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.